

Не важно и то, пускался ли он на самом деле в подобного рода рассуждения. Бесспорно одно: сам автор текста Патерика вполне понимал логику рационально-скептического взгляда на устройство мира, раз мог её так подробно, убедительно и эмоционально передать. Сам он её, как явствует из дальнейшего повествования, не разделял. Собственно, весь смысл этого фрагмента именно в том, чтобы показать ошибочность рассуждения в скептическом духе. Тем не менее, глубокое понимание логики оппонента всегда предполагает способность до некоторой степени встать на его позицию. Следовательно, логика Василия – это отчасти и логика автора Патерика. Логика, с которой он борется. Причем, возможно, борется не только в душах других людей, но и в своей собственной.

Другими словами, древнерусский человек мог временами становиться скептиком. Поэтому роль введения «чудесных мотивов» в древнерусские тексты не всегда была обусловлена религиозными и философскими потребностями. Иногда герменевтический круг вполне позволяет увидеть прагматику иного рода. Прагматику в духе боярина Василия.

Сопоставим еще два летописных фрагмента. Это фрагменты, повествующие о пожаре, который произошел в г. Владимире 23 мая 1491 года.

Версия № 1. Сообщение Никоновской летописи выглядит так: «згорел градъ Володимиръ весь и съ посады; и церковь Пречистыя Рождество в монастыре внутри града выгоре, и тело князя великого Александра Невского згоре» [6, стб. 229].

Однако в парадном Лицевом своде, Степенной книге [7, стб. 569], а так же в Синодальном списке Воскресенской летописи содержится иная история, назовем её версией № 2, озаглавленная: «Чюдо. О явлении на воздухе святого и великого князя Александра Невского, и о пожаре Володимирскомъ». Согласно этому варианту, пожар во Владимире действительно произошел. Однако ему предшествовало чудесное явление: «отъ самого верха церкви тоя видеша необычно видение, яко облакъ легкий протязашеся, или яко дымъ тонокъ извивася, белостию же яко иней чистъ, светлостию же яко солнцу поподобнообразно блещася, идеже тогда въ тонкости и светлости облака того видеша подобие образа блаженнаго великаго князя Александра на кони быстръ яко къ небеси изимася яздеца» [7, стб. 229–230; 5, стб. 221–222]. Затем произошел пожар. Церковь внутри вся выгорела вместе с людьми. Однако пелена, который был покрыт гроб, оказалась нетронута огнем. Мощи уцелели и продолжили чудотворить. Рассказ наполнен весьма конкретными подробностями и вообще выглад весьма убедительно. Он является, несомненно, поздней вставкой, сделанной, надо полагать, книжником из кружка митрополита Макария. Вероятно, автором этого пассажа является митрополит Афанасий – автор Степенной книги (по стилистике отрывок выбивается из летописного текста, но вполне органично смотрится в составе Степенной книги).

Этот «чудесный пассаж», как и предыдущий, тоже, несомненно, делает рассказ и более увлекательным, и более «учительным». Однако есть в нем и важное отличие от пассажа с полоцким мором: по сравнению с первоначальным вариантом он меняет суть рассказа на прямо противоположное. Причем, известно, что в реальности мощи князя Александра не сохранились. Так каков же был смысл рассказа, написанного, предположительно, митрополитом Афанасием? Очевидно он был написан для того, чтобы сокрыть правду. Резоны автора, безусловно, понятны. Однако в данном случае есть повод серьезно усомниться в хрестоматийном выводе акад. Д. С. Лихачева об отсутствии в древнерусской литературе сознательного вымысла. Есть все основания считать, что это именно он – вымысел, который в историческом контексте является ничем иным как сознательной ложью.

1. Лихачев, Д. С. Великий путь: становление русской литературы XI – XVII веков / Д. С. Лихачев. – Москва : Современник, 1987. – 301 с.
2. Об оковании раце преподобнаго отца нашего Феодосия Печерскаго. Слово 10. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 4 : XII век. – Санкт-Петербург : Наука, 1997. – С. 330–336.
3. ПСРЛ. – Т. I : Лаврентьевская летопись. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 496 с.
4. ПСРЛ. – Т. III : Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. : Языки русской культуры. – 2000.
5. ПСРЛ. – Т. VIII : Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – Санкт-Петербург, 1859. – 302 с., 720 с.
6. ПСРЛ. – Т. XII : Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – Санкт-Петербург, 1901. – 272 с.
7. ПСРЛ. – Т. XXI : Половина 2-ая. Книга Степенная царского родословия (11–17 степени грани). – Санкт-Петербург, 1913. – 370 с.

Крылов К. Е.

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ КОРОЛЕВСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЭГО-ДОКУМЕНТОМ? (НА ПРИМЕРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ВОЛИ ИЗАБЕЛЛЫ КАСТИЛЬСКОЙ)

Использование термина «эго-документы» уходит корнями в XIX век. Широкое применение он получил благодаря нидерландскому историку Ж. Прессеру, который использовал его для обозначения документов личного происхождения: автобиографий, дневников, личных писем [5, р. 7].

Новая волна популярности исследований в этой области начинается в конце XX века. К середине 90-х годов интерес к изучению эго-документов дошел и до историков-испанцев. Так профессором Дж. Амеланг в 1996 году была опубликована работа «Испанская автобиография в Раннее Новое время» [2].

Однако параллельно с развитием методологии изучения эго-документов также набирал силу спор о том, какие именно тексты мы можем отнести к данной категории источников. Так, Б. фон Крузенштерн [10, S. 470] настаивает на том, что к эго-документам относятся только самостоятельно сочиненные по собственному почину тексты, такие как письма и мемуары. Р. Деккер [4, p. 256] и П. Бёрк [3, pp. 21–24] дают более широкое толкование этого термина, включая в них также путевые заметки, примечания к генеалогическому древу.

Винфрид Шульце [13, pp. 28] настаивает на том, что эго-документами следует признать широкий спектр нехудожественных источников, в том числе отзывы на авторские работы, акты уголовного судопроизводства, если в этих документах отражено самовосприятие человеком своего места в обществе, государстве, семье. Аналогичной позиции придерживается российский ученый И. В. Нарский [1, с. 378].

Однако можно ли к расширяющейся категории эго-документов присовокупить такие тексты как завещания? Как представляется, в определенных случаях использование методологии, выработанной для таких источников, при анализе завещаний оправдано. Как минимум в тех случаях, когда мы видим, что автор завещания отступал от принятых юридических шаблонов и формул, а также когда тексты несут яркую эмоциональную окраску.

Любые отступления от установленного традицией порядка характеризуют завещателя, его личность, представления о важном и неважном. То есть позволяют нам соотносить привычные устоявшиеся структуры и субъективность конкретного исторического персонажа, что и составляет, по мнению М. Фулбрук и У. Рублак, суть исследований эго-документов [8, p. 263].

Как представляется автору настоящего доклада, примером завещания, которое вполне соответствует критериям, предъявляемым к эго-документам, является последняя воля королевы Изабеллы Кастильской.

Это завещание существенно отличается от аналогичных завещаний предшествующих кастильских монархов. К сожалению, мы не можем сравнить текст Изабеллы с последней волей ее старшего брата Энрике IV. Сам факт, что его завещание когда-либо существовало, является дискуссионным [11, p. 35]. В этой связи главным источником для сравнения является последняя воля отца Изабеллы Хуана II [14].

В тексте своего завещания Изабелла уделяет вопросам благочестия значительно больше внимания, нежели многие ее современники, упоминая помимо Святой Троицы также архангелов Михаила и Гавриила, Иоанна Крестителя, святых Петра, Павла, Иеронима, Франциска, Доминика и Марию Магдалину.

Начало завещания Хуана II, менее пространно, в нем король в основном останавливается на самом Боге и Пречистой Деве Марии, не упоминая архангелов, апостолов и святых. Таким образом, Изабелла серьезно отступила от текста, своего отца, что уже говорит об индивидуальности ее завещания.

При этом, нельзя говорить о какой-то новой тенденции, характерной для начала XVI века, так как ее современники также строили начала своих завещаний отличным от Изабеллы образом (так, в завещаниях мужа Изабеллы Фердинанда Католика [15] и Генриха VII Тюдора [9] используются лишь формальные формулы с упоминанием Троицы).

Дальнейший текст Изабеллы также содержит множество отличий от последней воли ее отца, однако формат небольшого сообщения не позволяет упомянуть их все. Предполагается целесообразным ограничиться только несколькими примерами.

Так, Изабелла неоднократно, три раза, использует формулу «естественная госпожа» («señora natural»). При этом она сама о себе говорит как о «естественной госпоже» и также требует от сословий признать свою дочь и наследницу, Хуану, в качестве таковой [16, pp. 338–340]. В целом, Хуан использовал сходные формулировки, оставляя своим приемником сына Энрике. Однако он подчеркивает именно легитимность своего наследника, в то время как Изабелла подчеркивает еще и первородство своей дочери Хуаны. Кроме того, королева, очевидно, хорошо помня кровавые смуты прошлого правления, считает необходимым усилить свое требование о признании Хуаны, чего не делает в свое время Хуан.

Следующее отличие: последняя воля Хуана устанавливает порядок наследования королевской власти только между его детьми, на тот случай, если у его старшего сына Энрике не будет детей. Изабелла на этом не останавливается. Она рассматривает более десятка различных династических раскладов, упоминая, как кажется, всех возможных претендентов на корону.

Таким образом, Изабелла придает этой части своего завещания фактический смысл закона о престолонаследии, Королева лишает своих наследников, как и себя саму, свободы при передаче власти – возможность передать титул в обход этих требований, согласно тексту завещания, не предусматривается. Даже сам монарх не мог обойти естественный порядок вещей, который дает тому, а не другому представителю правящей династии право на верховную власть.

Также в отличие от Хуана II Изабелла отделяет вопрос наследования власти от вопроса наследования имущества. Корона уже мыслится не собственностью, по крайней мере не обычной собственностью правящего дома. Как уже было показано выше, Хуан провозглашает правопреемство своего сына Энрике как в отношении своих титулов, так, через запятую, в недвижимом и движимом имуществе. Изабелла же вопросы своего личного движимого и недвижимого рассматривает отдельно в других пунктах своего завещания.

Таким образом, мы видим, что текст завещания Изабеллы существенно отличается от того, что принадлежит ее отцу. Однако, насколько мы можем говорить о том, что в последней воле Изабеллы видна сама личность королевы? Большая часть ученых, писавших об этом тексте, сходятся во мнении, что текст является очень личным и эмоциональным.

Разные историки из разных стран и эпох от У.Прескотта [12] в середине XIX века до Эдвардса [6] и Фернандеса Альвареса [7] в начале XXI века также оценивали этот документ не только и не столько как юридический памятник, сколько как источник, позволяющий ближе познакомиться с духовным миром правительницы и ее воззрениям на собственное правление и будущее королевства.

Таким образом, последняя воля Изабеллы является ярким примером того, что завещания могут и должны, если это необходимо, рассматриваться сквозь призму методологии изучения эго-документов. Более того, применительно к средневековым текстам, пропитанным духом религиозности, эти тексты, могут быть признаны одними из самых личных и эмоциональных документов, которые позволяют глубже заглянуть во внутренний мир человека прошлого.

1. Нарский, И. В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство : (автобио-историко-графический роман) / И. В. Нарский ; Юж.-Урал. гос. ун-т, Фак. права и финансов, Центр культур.-ист. исслед. – Челябинск : Энциклопедия, 2008.
2. Amelang, J. S. Spanish Autobiography in the Early Modern Era / J. S. Amelang // Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. – Berlin : Akademie Verlag, 1996.
3. Burke, P. Representations of the Self from Petrarch to Descartes // Rewriting the Self. Histories from the Middle Ages to the Present / P. Burke. – London : Routledge, 1997.
4. Dekker, R. Egodocuments in the Netherlands from the Sixteenth to the Nineteenth Century / R. Dekker // Dutch Crossing: Journal of Low Countries Studies. – Vol. 23. – No. 2. – London : Maney Publishing, 1999.
5. Dekker, R. Egodocuments in History: Autobiographical Writing in its Social Context since the Middle Ages / R. Dekker. – Hilversum : Verloren, 2002.
6. Edwards, J. The Spain of the Catholic monarchs, 1474-1520 / J. Edwards. – Malden (MA) : Blackwell, 2002.
7. Fernández, Á. M. Isabel la Católica / Manuel Fernández Álvarez. – [2-da ed.]. – Madrid : Espasa Calpe, 2003.
8. Fulbrook, M. Rublack U. In Relation: The 'Social Self' and Ego-Documents / M. Fulbrook // German History. – Vol. 28. – No. 3.
9. Henry VII. The will of king – London : T. Payne at the Mews-Gate ; B. White at Horace's Head, Fleet-Street, 1775.
10. Krusenstern, von B. Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert // Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. Alltag, 2., 1994.
11. Marañón, G. Ensayo biológico sobre Enrique IV de Castilla / G. Marañón // Edición digital a partir de Boletín de la Real Academia de la Historia. – Tomo 96. – 1930.
12. Prescott, W. H. History of the reign of Ferdinand and Isabella the Catholic, of Spain / W. H. Prescott. – London : Routledge, 1841.
13. Schulze, W. Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte / W. Schulze. – Berlin : Akad.-Verl., 1996.
14. Testamento del Rey de Castilla don Juan II // Memorias de don Enrique IV de Castilla. – T. II. – Madrid : Establecimiento tipografico de fortanet. 1835-1913. – P. 111-124
15. Testamento del señor rei Don Fernando el Catholico, hecho en el Lugar de Medrigalejo a viente y dos de enero del año M.D.XVI.
16. Testamento de la Reyna Catolica Doña Isabel, hecho en la Villa de Medina del campo a doze de octubre del Año M.D.III.// Discursos varios de Historia : con muchas escrituras reales antiguas y notas a algunas dellas / D. J. Dormer. – Zaragoza, 1683.

Сліж Н. У.

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ АСТРАЛОГІІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА (XV–XVII СТСТ.)¹

Гісторыя астралогіі Вялікага Княства Літоўскага з'яўляецца даволі спецыфічнай тэмай для даследавання і мае своеасаблівыя крыніцы. У дадзеным артыкуле мы прадставім асноўныя групы крыніц, якія неабходны для вывучэння дадзенай тэмы. Асноўная мэта – гэта вылучыць віды крыніц. Пералічыць і прааналізаваць усе вядомыя крыніцы па астралогіі ВКЛ не ўяўляецца тэхнічна магчымым.

¹ Даследаванне выканана дзякуючы навуковым стажыроўкам пры Нямецкім гістарычным інстытуце ў Варшаве і пры Універсітэце ў Беластоку па праграме “Салідарны з Беларуссю”.